

18+

Денис Колчин

Подготовительный курс

Стихи

Денис Колчин

Подготовительный курс. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26107172

ISBN 9785448569838

Аннотация

Денис Колчин – родился в 1984 году. Окончил факультет журналистики УрГУ имени А. М. Горького. Живет в Екатеринбурге. Работает в СМИ. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

2009	5
2010	8
2011	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Подготовительный курс Стихи

Денис Колчин

© Денис Колчин, 2017

ISBN 978-5-4485-6983-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2009

Кама

Левый берег – дожди.

Правый, вот он – обрыв.

Прямо —

влажный воздух лежит,

волны, мёртвый блокшив.

Ладно,

что плывёт пароход.

Пермь, Сарапул, Ела...

Рядом

чайка, чёткий полёт,

чуткий угол крыла.

Зябко —

дождь у нас на пути,

воздух рвётся назад.

Чайка

приводняется, и —

вправо, на небеса.

Горсть кедровых орехов – практически, сердце граната.

Разве что оболочка у каждой фигнюшки тверда,

разве что на поверку начинка у них мягковата,

и почти не похожи бордовый и красный цвета.
Горсть кедровых орехов, гранатовые половинки
(средоточье мелкушек – бордовых и красных желёз).
А ещё представляю: всё это – на скатерти синей,
на оранжевом фоне оконных горшочков для роз.

Стальная турка, где посередине
студёный блеск фильтрованной воды.
Хлопок рассыпчатого кофеина —
две порции древесной темноты.
Что дальше? Оставляем на конфорке,
над синевой округлого огня,
пока внутри не забурлит легонько
чёрнёная горячая волна.
Её немедля – в глиняную чашу.
Керамика – подсолнуховый цвет.
Наполовину турку – охлаждающе-
молочным негустеющим суфле.
Потом туда же выливаем кофе,
опустошаем чашку по-быстрей.
Напиток – на конфорку, на здоровье,
Доводим до мельчайших пузырей.
Готово! Класс! Керамика приемлет
парную светло-бежевую смесь,
которая четырежды отменней,

когда эклер ещё в запасе есть.

Трава дрожит, колеблется, пригнувшись,
разгромленная эстакадным ветром.

Перетекают бризовые лужи,
рассеивая пылесбор цемента-
гудроновый, гонимые подземным
дыханием, истратившимся током.

Одновременно мысли о проблемах
срезает сразу за стеклом пологим
автомобильным трассовая скорость.

Бетонка, преодолевая корни,
мини-барханы пляжные привносит,
штормующее открывает море.

Водила завершает продвижение.
Закуривает, выйдя из машины.

Смурной песок, пропитываясь пеной,
становится густеющей равниной.

2010

Я видел Великую степь возле Магнитогорска —
кругом леденели шлаковые снега.
Рядом пролетела звонкая пустельга.
Струились по небу четыре чумные полосы.
Струились по небу, срезались крылом пустельгиным.
По твердому снегу шоркали ветерки.
Жилые домишки были так далеки,
что просто казались помятой железной пластиной.
Четыре глотка небольших, аккуратных из фляжки.
Сплошное везенье – сломанное авто,
начавшийся насморк, облачный полутон,
порой прерываемый солнца ярчайшей отмашкой.

«Вот, посмотри – Индокитай...»
На фотографии – французский
десантный батальон, погрузка
на «транспортники»... «Отдыхай,
открытий здесь не перечесать.
...оставь, я уберу альбомы...
Нет никакого батальона...
Индокитай? Конечно, есть)))»

Тонкое лезвие только для отдыха,
для разделения хруста поверх теплейших.
Тыквенный хлеб полон семян подсолнуха.
Тыквенных семечек наполовину меньше.
Тёмно-древесных пор наполовину больше.
Тёмно-древесный мякиш – тело воздуха.
Тёплое лезвие чуточку мякиш крошит,
щёлкавая семечки, падает посуху.

Посмотри фотоработы Жана Даго —
жизнь переливается пепельными оттенками.
Африка, Афган... Возникает лёгкое треньканье.
Вряд ли удастся избавиться от него —
шелестения вращающихся винтов,
духовских затворов, спецкоровской фотокамеры.
Этот перехруст нарастает. Пепельно-планерный
приподнимается ветер-железолов.

На фотографиях – шотландцы в пустынях Гильменда.
Когда-то я уже видел фото
похожие: те же блёстки пота,
тот же песок, те же глаза после большого рейда...
В общем, история, география неизменны...

Всё так же трудно смотреть на солнце,
всё та же кровь – натечёт, свернётся....

Страна всё та же... Страна погибших, пленённых, плен-
ных...

Флоран Эмилио Сири снимает «Блиzkих врагов».

Камера – по свету, марево – крупный план.

Алжирский песок, французский напалм,
вертушки на посадку заходят вновь.

Флоран Эмилио Сири, конечно, давно готов.

Дома – не готовы... Курево – по рукам.

На кадрах – разгромленный караван,
предгорный десант, арабский пацан,
применяющий снайперскую винтовку.

Окаменевшие птицы рассыпаны по Уралмашу —
бассейну верхнепышминских ручьёв.

Наш город – вечный блокпост, кирпичьё,
междуозерье, предгорье, смешение полудомашних
полудворовых решений убраться таким-то маршрутом
системой низколетающих жучков,
спецгруппой, перекочёвкой торчков...

Наш город – супер-наркоз, «доставляющий» ночью
и утром.

«У нас был собственный вечерний «бойцовский клуб». Тренировки устраивали три раза в неделю. Находил полезным, – без разницы: глуп, не глуп, — приходил, получал, уворачивался, метелил. Сначала двоечка, потом – правый, левый хук, элементы оформленной инстинктивной свободы. Если кому по голове прилетало вдруг, по утру тормозил на работе, давил зевоты. После полудня постепенно включал мозги. Отдохнув дома, заново посещал мордобойню. Руки до сих пор помнят правильные броски кулаков, направляемых точно или продольно... (широко улыбнулся) Короче, было прикольно»)))

Джунгли достигнув, дробовик опусти, заброшен, не торопясь, не делая лишних движений. Потом исчезни в этом дендрарии древнем. Смерть винтокрылая тебе не поможет больше...

Бело-коричневый воин конго. Жёлто-красная повязка на голове. На плечах – старый бельгийский карабин. По сторонам – экваториальная великая био-оснастка:

чёрно-зелёные заросли, вкрапления древесин.

2011

1. Конго, Ангола, Нигерия, Сомали —
живые определения ада...

Дети-солдаты – блюстители конопли,
ураново-колтановой клади.

Дети-скелеты – сушёные пузыри
на трубчатых тонких костях-подпорках,
уже почти переставшие говорить,
срастаясь в пальмовых, цейбовых корках...

2. Чёртовы оптика, пластик, процесс труда...

Твой репортаж ох... телен, как всегда.

Эти снимки не для б... ского глянца.

Наверное, пора выставляться.

3. Впрочем, даже Пулитцер – простой эпизод.

Главное – работа, на которую под-
сел и продолжаешь, пока не убьёт.

Пишется «в Екатеринбурге», слышится «вьекатеринбург-
ге».

Я продолжаю: «вье» – «Вьетнам», «Вьетминь», «Вьет-
конг»...

«конг» это почти «Конго» (сломан второй слог).

«онго» напомнило «Анголу». «гол» – «Голани», «Гола-

ны»... «Гурки!»

В общем, с помощью созвучных слогов, а также полуслогов, понятно:

город имеет два или три потайных
уровня, на которых – словари войны.

Туда попадёшь, и уже никогда не захочешь обратно.

Благодаря исламской архитектуре переключаюсь.

Медная мечеть, мечеть «Фабр», Пермская соборная мечеть

позволяют забыть о том, что на свете есть «мерченариес», войны, кокаиновый трафик... Хочется, конечно же, успеть

осмотреть многочисленные уральские, не уральские комплексы... Лично запечатлеть «Гуфран», «Кул Шариф», «Абдуль Самад».

Вот фотопамять будет – купола, интерьеры, краски, двери, минареты... Никаких картелей, «вендетт», засад.

Словно линкор «Мусаси» в море Сибуйан,
выходишь на площадку, получаешь ударные пары.
Во время спарринга нанесение травм —
святая обязанность каждого уличного душары,

кто бы он ни был – узбек, таджик, славянин.
Таков дворовый бокс. Ты, отступая к забору, болванишь.
Противник, пропустив серию тумачин,
ломается, словно линкор «Ямато» в Тихом океане.

«Кул Шариф» – казанская мечеть:
белый корпус, купол голубой,
бело-голубые минареты.
Ледяная Волга леденеть
остаётся плавной полосой,
слоем ледяным, подлёдной Летой.

Раньше отец работал в милиции. Орджоникидзевское РО-
ВэДэ.

Зона ответственности дерьмовейшая – родной Уралмаш,
Эльмаш.

Дома у нас, в коридорном углу, стоял выдавший виды «ка-
лаш».

Ясное дело, что не всегда. Но, в принципе, частенько. По-
скольку везде

там, за дверьми, на улице, нашего отца могли запросто
убрать – хлоп!

Впрочем, любой мент, живущий здесь, должен был иметь
при себе АКа,

если хотел уцелеть, а не подохнуть быстро и наверняка
во время очередного долбаного патрулирования трущоб.

Екатеринбург-2031.

Наш мегаполис – приграничный:
свой Иностранный легион;
естественно, микрорайон
любой почти моноэтнично
живёт: уральские славяне,
китайцы, тюрки, в основном...

Наш мегаполис – полигон
культур со всеми их словами.

Репортёрское.

Солнечным утром на солнечной кухне
чай, зефир, биография Киплинга
(ЖЗЛ). Часа четыре до митинга.
Завтрак – прекрасный. Настроение в духе
солнечных тёплых квартирных оттенков.
Кофе, эклер для неё, ненаглядной
(только проснулась). «Родная, прохладно
сегодня на улице – минус десять... Маленько

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.